

Тарасова О. М.

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЗМА В РОМАНТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКЕ (К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО РОМАНТИЗМА)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/91.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 213-214. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЗМА В РОМАНТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКЕ
(К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО РОМАНТИЗМА)

*Тарасова О. М.
Нижний Новгород*

Эпоха романтизма постоянно привлекала к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. В целом капитальных трудов рассматриваются различные аспекты романтической идеологии и эстетики. Среди них важное место занимают работы, связанные с проблемами исторических жанров и романтической историографии. Прежде всего, это монографии Б.Г. Реизова: «Французская романтическая историография» (1956), «Французский исторический роман в эпоху романтизма» (1958), «Творчество Вальтера Скотта» (1965), которые вышли уже более полвека назад, но сохранили свою научную значимость. Различные аспекты романтической концепции истории романтизма рассматриваются во многих исследованиях Т.В. Соколовой «Июльская революция и французская литература (1830-1831)» (1973), «Философская поэзия Альфреда де Виньи» (1984), «От романтизма к символизму» (2005). Проблемам истории романтизма посвящены и отдельные статьи Е.М. Евниной «Виктор Гюго» (1976), статья Ю.В. Ковалева «Историзм как художественный принцип в ранней американской романтической прозе» (1979). Этим вопросам уделяют внимание и французские исследователи: R. Sabatier (Р. Сабатье) «La Poésie du XIX. 1. Romantisme» (Поэзия XIX века. Романтизм, 1974), A. Halsall (А. Алсаль) «La rhétorique délibérative dans les oeuvres oratoires et narratives de Victor Hugo» (Обсуждающая риторика в ораторских и повествовательных произведениях В. Гюго, 2001), а также монография Р. Besnier (П. Безнье) «L' ABCdaire de Victor Hugo» (Алфавит Виктора Гюго, 2002).

На протяжении столетий литература эпизодически обращалась к истории в поисках сюжетов и героических характеров. В эпоху романтизма история делается, как справедливо отмечает Ю.В. Ковалев, одним «из главных центров притяжения художественной мысли. Романтики совершили множество открытий (в том числе, открытие исторической обусловленности человеческих судеб и общественных нравов), в результате которых история перестала быть областью, лежащей за пределами литературы» [Ковалев, 1979: 100].

Б.Г. Реизов, исследуя европейский романтизм, считал, что правда является историей, так как правда не в сегодняшнем дне и не во вчерашнем, она в том будущем, которое замечено во всем противоречивом и закономерном развитии человечества. Будущее можно угадать в прошлом [Реизов, 1958: 94- 95].

Истоки историзма зарождались еще в XIII веке. В хрониках тех времен библейские повествования соединены с историей Трои и Рима, как, например, «Библейские истории» Гиара де Мулен (Guiart de Moulins, «Bible historial»). Кроме исторических очерков развлекательного или нравоучительного характера были и произведения по историографии мемуарного типа, авторы которых изображали события со множеством конкретных подробностей: «Завоевание Иерусалима» маршала Шампани, участника крестового похода Жофруа де Вилардуэна (Geoffroi de Villehardouin, «La conquête de Jérusalem»), «История тех, кто завоевал Константинополь» Роберта де Клари (Robert de Clary «Histoire de ceux qui conquièrent Constantinople»).

Историография занимала видное место и в XIV веке. Для эпохи, богатой событиями, историография и литература не разделялись, так как излюбленным жанром литературы были исторические биографии, изображение событий из личной жизни автора или его окружения. Расцвет мемуарной литературы в XVI в. также внес в историографию элемент личного жизненного опыта автора, мемуары превратились в историю современности. Картины жизни крупной личности на историческом фоне целой эпохи предоставляют мемуары маршала Блеза де Монлюка (Blaise de Monluc, 1512 - 1577). Монлюк ведет подробный рассказ о военных событиях, где он предстает знатоком и творцом военного искусства. Автор не возвышается над изображаемыми событиями, практический взгляд на вещи определяет реалистическую ценность его записок. Промежуточное положение между мемуарами и историографией занимают сочинения Франсуа де Лану (François de Lanoue, 1531-1591). В «Политических и военных рассуждениях» (Discours politiques et militaires) он описывает эпизоды своей жизни и события эпохи.

Французская романтическая историография сложилась в эпоху Реставрации, когда страна испытала горечь военного поражения, когда ее территория была заполнена войсками европейских держав, а правительство заискивало перед иностранными дворами. Июльская революция 1830 года привела к переменам в политических и литературных кругах Франции. Интерес к культурному наследию прошлого, характерный для эпохи Реставрации, предопределил выпуск книг: «Поэтическая Галлия» Ш. Маршанжи (1813-1817) и «История французской поэзии XII-XIII вв.», «Романтическая Франция» Ш. Нодье. По мнению М. Маршанжи, «Французы более богаты, чем другие нации, поскольку их Средневековье является «une mine inépuisable» неисчерпаемым источником знаний и нравов» [Marchangy, 1897: 212].

Взгляды французских романтиков, так или иначе, формировались под влиянием трудов современных им историографов, которые, в свою очередь, неоднократно ссылались в трудах на литературные примеры. Французская историография многое заимствовала у немецких мыслителей, в частности у И.Г. Гердера, для которого историология становится «характерологией», а этнография изучает национальные типы и культуры. В преддверии романтизма Гердер высказал мысль, что «каждая нация имеет свой внутренний мир - живую картину образа нации, привычек, потребностей, своеобразие земли и небес - и что сопоставление

друг с другом этих картин возможно благодаря поэзии. Такое сопоставление помогает глубже узнать народы эпохи, чем скучная и обманчивая история». В продолжение идей немецкого исследователя в романтической историографии разрабатывается идея об истории цивилизации как сменяющихся эпох.

В «Дневнике моего путешествия» Гердер отводит основную роль образу всемирной истории. Единство исторического процесса он мыслит в формах, аналогичных процессам, протекающим в природе. «Какой величественный вид открывается на человеческую природу и обитателей морских глубин, и различные климаты, как он помогает раскрыть взаимосвязь событий мировой истории» [Гердер, 1977: 32].

Французские историки Ф. Гизо (François Gizo, 1787 - 1874), О. Тьерри (Augustin Thierry, 1795 - 1856), Ж. Мишле (Jules Michelet, 1798 - 1874) делали свои, отличные один от другого, выводы о том, как надо писателям относиться к изображению исторических событий. Ф.-Ж. М. Ренуар (François Raynouard) в литературных заметках отмечал, что основным должен быть выбор сюжета, который может заставить читателя внимательно следить за развитием действия. Огюстен Тьерри создал свои «Письма о французской истории», в которых сделал попытку соединить «с широким эпическим изложением греческих историков колоритность «записывателей» легенд и строгую логику новейших писателей». Тьерри пытался вернуться к источникам, а Мишле дополнил этот метод. К изданным документам он присоединил неизданные: акты, дипломы и хартии. Ж. Мишле, автор «Истории Франции» (Histoire de la France), изложил основные исторические события, начиная с древних эпох до 1815 года. Его история «презирает кропотливую и сухую ученость и верит в сверхъестественную силу духовного ока, которым одарены пророки». Пьер-Клод-Франсуа Дону (Pierre -Claude-François Daunou, 1761-1840), представитель классической историографии, критически относился к романтическим произведениям, называя их новой ересью именно потому, что стоял за максимально точное воспроизведение фактов. При этом Дону выступал за исключение мифологических и религиозных преданий из исторических и художественных произведений. Средством познания и изображения прошлого для романтиков было воссоздание местного колорита «couleur locale». Это понятие включает в себя и быт, и атрибуты материальной культуры (орудия труда, одежда, оружие), и сознание народа, традиции, верования, идеалы. Историзм романтического искусства - это колоссальное художественное завоевание. С одной стороны, романтики достигли большей, чем ранее, исторической точности художественного изображения, а с другой стороны, в костюмах прошлых эпох выступают персонажи, выражающие идеи, созвучные сознанию современников XIX в. «Французская романтическая историография по широте переработанного ею философского, научного и литературного наследия выходит далеко за пределы французской национальной традиции», - справедливо отмечает Б.Г. Реизов [Реизов, 1986: 71].

Список использованной литературы

1. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г.Гердер; Пер. с нем.- М.: Наука, 1977.
2. Ю.В.Ковалев // История и современность в зарубежных литературах: Межвуз. Сб. (К 75-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. Б. Г. Реизова).- Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
3. Реизов Б.Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма / Б. Г. Реизов.- Л.: Госполитиздат, 1958.
4. Реизов Б.Г. История и теория литературы: Сб. ст. / Б. Г. Реизов.- Л.: Наука, 1986.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Тарнаева Л. П.

Российский государственный педагогический университет

Любой тип переводческого дискурса строится на трансляции определенного объема информации. При формировании дискурса от коммуникантов (в том числе и от переводчика, как участника межкультурной коммуникации) требуется значительная когнитивная деятельность, результатом которой является конструирование ментальных моделей данной ситуации общения. Обработка когнитивной информации, функционирующей в ситуации общения, является необходимой предпосылкой порождения и понимания дискурса.

Процесс обработки информации участниками межкультурного общения, можно рассматривать как взаимодействие двух типов когнитивной деятельности: конвергентного и дивергентного мышления. Конвергентное мышление проявляется в стремлении понять факты иной культуры «через призму знакомого и привычного» [Леонтович 2005: 30], когда в своей культуре подыскивается эквивалентный образ и «знания, входящие в содержание чувственной и умственной части образа, переносятся на предмет чужой культуры» [Тарасов 1996:18], т.е. происходит манипулирование старым знанием. Дивергентное же мышление «позволяет коммуниканту развести явления родной и чужой культуры, делая допуски на возможные культурные различия и их адекватное объяснение» [Леонтович 2005:30] - это выработка нового знания, «поиск различий в сопоставляемых и сравниваемых образах чужой и своей культур и в рефлексии над этим различием» [Тарасов 1996:19]. Результатом таких мыслительных операций является выработка сознанием коммуникантов своеобразной «интеркультуры», которая представляет собой «совокупность 1) познавательных средств своей культуры, привлеченных для познания средств культуры чужой; 2) нового знания о чужой культуре, сформированного в процессе ее познания; 3) нового знания о своей культуре, созданного при познании чужой культуры» [ibid:16].